Мария Лопарёва работает с категориями личной памяти и семейной истории и часто воплощает свои замыслы в технике ассамбляжа

текст ***Галина Батюк***

Ее работы были представлены на IX Межрегиональной молодежной художественной выставке «Аз. Арт. Сибирь — 2019», прошедшей весной в Барнауле. Мария участвовала в конкурсе как художник и искусствовед и стала дипломантом второй степени в искусствоведческой номинации.

Среди показанных на сибирской биеннале работ художницы — два ассамбляжа: «Там, где мы с тобой еще не знакомы» (портрет матери в молодости) и «Там, где мы еще дружны» (автопортрет со старшей сестрой). Если быть лаконичным, то ассамбляж — это коллаж, который хотел быть немного

Мария Лопарёва. ***Там, где мы еще дружны (автопортрет со старшей сестрой)*** *(фрагмент). 2019. Холст, масло, акрил, ассамбляж. 100x85*

Мария Лопарёва. ***Розовая рубашка****. 2017. Холст, акрил, текстурная паста, ассамбляж. 140x100*

Мария Лопарёва. ***Там, куда я никогда не вернусь (автопортрет в детстве).*** *2016. Холст, масло, акрил, ассамбляж. 100×85*

скульптурой. Впрочем, вышеупомянутые работы Марии, в отличие, например, от произведений русских авангардистов, не слишком активно врываются в трехмерное пространство: кажется, что реальные вещественные элементы являются просто продолжением живописной фактуры и цвета. Мария находит интересные сочетания фигуративных изображений и материальных деталей, как, например, комбинация портрета матери с веткой цветов. Но если данный вариант создает впечатление чего-то в хорошем смысле лиричного, то в случае с ассамбляжем «Там, где мы еще дружны» сочетание автопортрета с сестрой и полиэтилена, напротив, привносит ноту драматизма. Полиэтилен добавляет ощущение динамики, потока, стихии, которая стремительно размывает человеческие отношения и память. Кроме того, можно отметить и разницу самих деталей. Полиэтилен — что-то искусственное, неподлинное, что избрано для рассказа о прерванной дружбе. Засушенные цветы — что-то, что было живым, что имеет отношение к некогда молодой женщине, но именно тот образ остался в прошлом, в настоящем его уже нет, и цветы, таким образом, являются своеобразным подношением тому прежнему образу и поэтому ассоциативно связываются с цветами, которые

Мария Лопарёва *родилась в городе Осинники Кемеровской области в 1986 году. Окончила Новокузнецкое художественное училище по направлению «Станковая живопись» и Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (отделение монументально-декоративного искусства). Живет в Новосибирске*

Мария Лопарёва. ***Игрушки.***
2017. Холст, акрил, пастель, ассамбляж. 140х100

долго лежат на могиле человека и потом засыхают, покрываются пылью или снегом.

Художница создает своеобразное метафизическое эфемерное пространство — облако, туман, дым, — сквозь которое проступает, как привидение или сон, образ родного человека. Отчасти похожая схема прослеживается и в другом, не показанном в Барнауле ассамбляже «Там, куда я никогда не вернусь» (автопортрет в детстве). Но если в случае с портретом матери и автопортретом с сестрой образы возникают просто из области прошедшего, то младенец из детского автопортрета и вовсе появляется из как бы предпрошедшего (как любят, например, объяснять время Past Perfect в английском), из не то чтобы совсем небытия, но из области, где все всегда существовало, но, возможно, просто не имело форм. В целом во всех названных работах прослеживается это осознание: все существовало до, и родственники уже были родственниками до того, как приобрели узнаваемый облик, и все связано со всем, зарифмовано. Фактически в этом есть некая идеалистическая модель бытия: все эйдосы изобретены, просто нуждаются в материализации. Колористическое решение таких работ отчасти напоминает портреты и натюрморты Владимира Вейсберга, в которых очертания лиц и вещей проступают сквозь заволакивающую белую пелену.

Все перечисленные ассамбляжи входят в серию «Очень личная история». Изначально проект задумывался как замкнутый, конечный, но в данный момент он насчитывает восемь холстов и три арт-объекта и, вероятно, будет продолжен. История, рассказанная художницей, и впрямь очень личная, во многом основывается на интерпретации образа отца. Некий намек на этот образ есть в ассамбляже «Там, где мы еще не знакомы» — мужской силуэт около фигуры матери, но раскрытие этого образа происходит уже в других работах и иными средствами.

Одна из таких работ — ассамбляж «Игрушки». Важным элементом произведения является текст — история о том, что отец прятал бутылки в игрушках четырехлетней дочери, которой казалось, что это игра, но в результате эта «игра» приводила к скандалам с матерью. Содержание текста материализовано в конкретных формах — бутылок и, собственно, детских игрушек, которые, возможно, из-за покрытия их поверхности акрилом воспринимаются макабрически, в эстетике фильмов ужасов. Драматизм содержания усиливается ровным «детским» почерком, которым написан текст как бы на поверхности школьной затертой доски. Работа, в некотором смысле тяготеющая к публицистическому и, возможно, даже литературному высказыванию, вызывает к жизни воспоминания о возможностях включения текста в изобразительное искусство. Роль слова в живописи активно проблематизируется, пожалуй, в течение двадцатого столетия. Однако и первые русские авангардисты, включающие в картины изображения вывесок, и концептуалисты, работающие с советскими канцеляризмами и бытовыми штампами, и другие неофициальные художники, обращающиеся к газетам, взаимодействовали с текстом в ироническом ключе. Работы же Марии находятся как бы вне злых постмодернистских игр, являя собой, скорее, чистый смысл, и более сближаются с произведениями Кифера. Сама художница признается, что является заядлым читателем и библиофилом, поэтому неудивителен этот текстовый компонент в ее творчестве.

Еще одна работа, где актуализируется вопрос родственной памяти, — это ассамбляж «Розовая рубашка». В композицию с настоящей тканевой рубашкой помещается текст-история о том, что автор все время врет, что последний раз видела отца на бракоразводном процессе и единственное, что запало в память в тот момент, — его розовая рубашка.

Может быть, наибольшую остроту и выразительность эта история приобретает (отчасти от предельной осязаемости) в «Портрете отца» — арт-объекте, побывавшем на «Аз. Арт. Сибирь — 2019». Работа представляет собой наполненную водкой бутылку, в которую помещена фотография отца и на поверхности которой маркером написан текст, представляющий следующую историю: отец страдал алкоголизмом, и в ходе ссоры, произошедшей на даче, мать разбила ему голову, после чего ушла. Вернувшись, она обнаружила его в петле, но успела вытащить. Через много лет вытащить его уже было некому. Текст заканчивается словами: «И я его не виню. Он был неплохим, в общем-то, человеком, просто слабым. А еще он был лучшим отцом — потому что единственным». Значимо, что фотография в бутылке со временем разрушается, а маркер на поверхности предмета, успевающего за время экспонирования

Мария Лопарёва. ***Портрет отца.***
2016. Бутылка водки, маркер, фотография. 27x7x7

побывать в руках множества зрителей, частично стирается, таким образом, остается пространство для интерпретации. Вообще, художница выступает против того, чтобы тексты ее работ воспринимались отдельно от самих предметов как самостоятельные литературные высказывания, хотя, возможно, с ней можно немного поспорить. Если придерживаться хемингуэевской линии пуристично-лаконичных текстов, то, пожалуй, в этом действительно есть доля литературы.

Безусловно, здесь возникает вопрос подлинности используемого жизненного материала, потому что не будет новостью сказать, что нарратив художника (в самом широком смысле), даже если он ведется от первого лица, далеко не всегда соответствует его биографии, и, в принципе, личное мифотворчество является довольно значимой частью художественной практики. Однако Мария на вопрос о том, не страшно ли переносить личное в область публичного, отвечает довольно ясно: «Страх, конечно, был. Это то же, что голым выйти на публику. Но Марина Абрамович как-то справляется. Ну не то же самое, конечно, но ощущения похожие. В конечном итоге, с этим чувством "обнажения" просто свыкаешься. Как свыкается актер со страхом сцены, или, например, спикер со страхом толпы. И потом, для меня это вопрос подлинности в искусстве. Искусство — это всегда так или иначе обнажение. Я убеждена, что первопричиной для творчества может служить только что-то очень глубоко пережитое, прочувствованное, переработанное. Причем это может выражаться не только в тематике, сюжетах, но и в выбранном художественном языке, медиуме, используемых материалах (как жир и войлок у Бойса, например). И эти действительно "очень личные вещи" — просто единственное, что у меня есть, это все, чем я могу поделиться».

Интересно, что, используя те же материалы — фотографии, одежду, художник Кристиан Болтанский, например, добивается противоположного эффекта. Он рассказывает историю о том, что памяти, по сути, нет, что она разрушается, что от человека ничего не остается, что мир находится во власти анонимности (он использует фотографии неизвестных людей, компонуя их в визуальные вымышленные биографии, использует одежду как знак отсутствия человека, обозначение пустоты места). Для Марии же, напротив, фотография, вещь — что-то вроде блюдца с буквами на спиритическом сеансе, посредством которого вызывается если не человек, то его тень, это своеобразное восхождение с помощью фотографии и вещи от образа к первообразу и это мучительная борьба со стихией амнезии — водкой, разъедающей изображение, или туманным облаком, не дающим в полной мере рассмотреть черты лица. Это очень искреннее, по-своему наивное в самом хорошем смысле этого слова, смелое и, конечно, довольно страшное искусство, которое во многом акупунктурно воздействует на область незаросшего родничка — места, где есть связь с нашими родными и в котором мы наиболее уязвимы.

Помимо ассамбляжей, Мария занимается также и более традиционными (вернее, просто более древними) техниками станковой живописи, планирует создавать концептуальные витражи, которые могли бы восприниматься как самостоятельные объекты, а не как часть интерьера (дипломный проект художницы был посвящен оформлению католического собора витражами и их имитациями из мозаики), а также проявляет интерес к искусствоведению. Хотелось бы пожелать, чтобы «Очень личная история» имела длинное и продуктивное продолжение.

Мария Лопарёва. ***Там, где мы еще не знакомы (портрет матери в молодости).***
2017. Холст, масло, акрил, ассамбляж. 100x85.